

МЕТОДОЛОГИЯ

Н.С. РОЗОВ

Судьба философии в контексте циклической динамики России

Структурная специфика российской философии включает прерывистость и слабость автономного развития, разделенность поля внимания, противостояние “туземной” (почвеннической) и “провинциальной” (западнической) традиций, воспризывающую периферийность. Эти особенности объясняются на основе теории интеллектуальных сетей Р. Коллинза и модели циклической динамики истории России. Определяются условия, при которых следует ожидать трансформации выделенных черт в их противоположность, – цельность поля внимания, последовательное развертывание идей, автономное развитие, полноценная включенность в западную и мировую философию, прекращение метаний и трезвая оценка роли и значимости своей философской традиции.

Ключевые слова: русская философия, история русской философии, структурные черты философии, “туземная” и “провинциальная” философия, поле интеллектуального внимания, интеллектуальные сети, циклическая динамика, циклы в истории России, условия развития национальной философии.

Structural aspects of Russian philosophy include intermittence and weakness of autonomous development, disruption of intellectual attention field, reproduction of antagonism between “native” (patriotic) and “provincial” (Western-oriented) traditions, permanent peripherality. These features are explained on the basis of intellectual networks theory by Randall Collins and dynamical models of Russian historical cycles. The conditions are discussed under which the given structural features of Russian philosophy transform into their opposites: the integrity of intellectual attention field, consistent deployment of ideas, independent development, successful inclusion into Western and world philosophy, sober assessment of the role and importance of own philosophical tradition.

Keywords: Russian philosophy, the history of Russian philosophy, structural features of philosophy, “native” and “provincial” philosophy, the field of intellectual attention, intellectual networks, the cyclical dynamics, cycles in Russian history, conditions of national philosophy development.

Есть ли свое узнаваемое лицо у отечественной философии? Трудный вопрос. После эпохи активного импорта французских (от Вольтера и Д. Дидро) и немецких (от И. Канта и Ф. Шеллинга) идей, во многом благодаря взрывным “Философическим письмам” П. Чаадаева, российская мысль делится на западническое и славянофильское руслу. Позже набирают силу новые волны идейного импорта, прежде всего марксистские и неокантианские течения, ведущие как к попыткам их осмысления и

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск).

развития (Г. Плеханов, Н. Грот, А. Введенский.), так и к отторжению (К. Леонтьев, Н. Данилевский). Во многом благодаря Вл. Соловьеву и разочарованию в интеллигентском радикализме наступает “веховский” период с доминированием религиозно-философских исканий (Дм. Мережковский, С. Булгаков, П. Флоренский), эту линию продолжает послереволюционная эмиграция (Н. Бердяев, П. Струве). Славянофильская, “византийская”, антизападническая традиция трансформируется в евразийство (П. Савицкий и др.).

В СССР философское пространство монополизируется государственным “марксизмом-ленинизмом”, пусть и с полукрамольными обертонами (А. Лосев, А. Зиновьев, Э. Ильенков, М. Мамардашвили, Г. Щедровицкий).

Но в постсоветский период мы вновь приходим к сильнейшей дивергенции: с “туземным” полюсом державно-патриотического, имперского, националистического уклона и “провинциальным” полюсом западнических аналитизма, феноменологии, постмодернизма и проч¹.

Попробуем отвлечься от содержания философских идей и присмотреться к структурным характеристикам бытования и развития философии в России. При таком взгляде обнаруживаются достаточно устойчивые сквозные черты:

– хрупкость и разорванность поля интеллектуального внимания, нет упорного сосредоточения на определенном круге проблем в течение хотя бы одного–двух–трех десятилетий;

– прерывистость (нет единого продолжающегося потока мысли, в каждый период все начинается будто “с нуля”);

– отсутствие или слабость автономного развития; чрезмерная зависимость от западной философии как в подражании, так и в отвержении; темы и подходы приходят извне;

– воспроизводящаяся периферийность как во вторичной “провинциальности” обсуждения проблем западной философии, так и в “туземном” отчуждении от них; обе эти ветви остаются маргинальными в поле внимания западной и мировой философии;

– рецидивирующие метания: от вселенских амбиций до самоуничужения.

В данной статье делается попытка объяснить эту структурную специфику российской философии на основе теории интеллектуальных сетей [Коллинз, 2002] и результатов анализа циклической динамики истории России [Розов, 2011]. За эскизным объяснением последует проективная часть: при каких условиях и при какой направленности действий следует ожидать трансформации выделенных черт в их противоположность – цельность поля внимания, последовательное развертывание идей, автономное развитие, полноценная включенность в западную и мировую философию, прекращение метаний и трезвая оценка роли и значимости своей философской традиции.

Брачная метафора

Тема отношений между философией и политикой в России – квинтэссенция классической темы “интеллигенция и власть”, поскольку философия была и остается средоточием абстрактных, нравственных, мировоззренческих вопросов, волнующих интеллигенцию, интеллектуалов, а верховная власть в России, традиционно авторитарная, была и остается стержнем всей отечественной политической жизни (так называемая “русская система”).

Начало российской философии иногда относят к XVIII в., но, строго говоря, это был период массивованного идейного импорта, а не самостоятельного творчества (ср.

¹ Здесь и далее используется разделение “туземной” и “провинциальной” науки в работе [Соколов, Титаев]. Коротко, “туземцы” не признают ничего, стоящего интеллектуального внимания, вне собственной национальной традиции, тогда как “провинциалы” все внимание и энергию отдают рецепции идей и подходов, поступающих из зарубежных интеллектуальных центров (почти исключительно западноевропейских и американских).

[Власенко, 1988; Абрамов, Коваленко, 1989]). Примерно 200-летняя история взаимоотношений между верховной властью и самосознательной российской философией настолько драматична, настолько насыщена скандалами, разрывами, жесткими взаимобвинениями, периодами смиренной покорности при тайных изменах, что напрашивается сама собой брачная метафора.

Здесь верховная власть в России выступает в роли мужа с патриархальными хватками, склонностью к угнетающему гиперконтролю над поведением всех домашних, нетерпимостью к чужому своеволию, что перемежается как периодами снисходительности и попустительства (1900–1910-е, 1990-е гг.), так и приступами самодурства, садистской жестокости (объявление Чаадаева сумасшедшим, исключение философии из университетских дисциплин в 1830–1850 гг.², “философский пароход” 1922 г., искоренение любой немарксистской мысли в СССР).

В то же время российскую философию, как было показано выше, не удастся представить как единую личность даже с переменчивым нравом. В рамках этой полухитрой метафоры следует говорить, скорее, о нескольких женах, содержанках, служанках и даже засланных врагами соблазнительницах, которые существуют, обычно бранясь друг с другом, иногда сменяя друг друга, нередко явно или неявно соревнуясь за близость к общему хозяину – *государственной власти*, а иногда мечтая заменить опротивевшего мужа-домостроевца на нового возлюбленного с захватывающими дух заморскими (социалистическими, революционными, либеральными или эстетскими) манерами.

Ясно, что в роли “любовника” здесь выступают Европа и Запад, соответственно – западная интеллектуальная традиция. Западу в России явно или тайно завидуют, пытаются “догнать” или “превзойти”. Российская “провинциальная” мысль всегда готова “отдаться” Западу (только вот он ею обычно пренебрегает). “Туземная” философия привержена своему хозяину – государственной власти – и всеми силами делает вид, что посторонних претендентов на ее внимание нет вовсе, либо они безнадежно деградировали, либо исключительно опасны хоть для ленинской “идейности”, хоть для православной “духовности”.

Брачная метафора, помимо своих образных и комических достоинств, указывает, как мы увидим далее, на некий базовый политико-экономический инвариант. Однако в деле объяснения исторической динамики российской философской мысли данная аналогия уже сильно “хромает”. Поэтому для анализа долговременных процессов в отношениях между философией и властью в России обратимся к макросоциологическим моделям [Коллинз, 2002; Розов, 2011].

Двушаговый механизм социальной причинности

Крупные социальные, политические и экономические события влияют на интеллектуальную, в том числе философскую, сферу не за один шаг (как в полузабытой, но все еще скрыто доминирующей у нас “ленинской теории отражения”), а за два. “Вначале политические и экономические изменения ведут к подъему или упадку материальных институтов, поддерживающих интеллектуалов; религии, монастыри, школы, издательские рынки претерпевают рост и спад благодаря этим внешним силам. Затем интеллектуалы приспособляются к изменениям материальных условий и заполняют пространство, доступное для них согласно закону малых чисел” [Коллинз, 2002, с. 508].

Итак, политические и социально-экономические пертурбации могут оказывать положительное, стимулирующее влияние на интеллектуальное творчество, когда сети перестраиваются, но традиции не прерываются и накопленный потенциал используется для постановки и решения новых проблем. В таких долговременных *последовательностях* при смене многих поколений закономерно повышаются уровни абстрактности

²Заккрытие кафедр ограничивало философские дисциплины курсами логики и психологии. В некоторых университетах философию природы, эстетику преподавали под видом других дисциплин.

и рефлексии, что составляет главный стержень и главное достоинство философского мышления [Коллинз, 2002, гл. 15].

Однако в интеллектуальной истории также известны случаи прерывания традиций. Обычно это связано с приходом нового политического режима, утверждающего себя на отрицании символов и авторитетов прежнего порядка, с разрушением интеллектуальных центров и репрессиями, а также с наличием могучего геокультурного соседа, волны влияния которого подавляют местную идейную преемственность. Так, греческая, испанская, польская, чешская, венгерская, турецкая мысль последних столетий проигрывала из-за крутых политических поворотов, дефицита преемственности и беспрестанных волн идейного импорта из философских стран-лидеров – Германии, Франции и Великобритании. Схожий паттерн проявляется и в российской философии.

Таким образом, события и процессы истории России следует рассмотреть в плане их воздействия на материальные, организационные основы жизни философов: где и каким образом расширяются или сужаются возможности обеспечения общественного влияния и престижа. Замечу, что выгодные позиции могут быть предоставлены не только государством напрямую, но также университетами и НИИ при условии какой-то степени их автономии, а также книжным рынком, образованным обществом. На втором шаге происходит перестройка интеллектуальных сетей, когда философы вытесняются из позиций и ниш, претерпевших сокращение, и переходят в новые, где сталкиваются с представителями других сетей, другими запросами внимающей им публики или заказчиков, что приводит к существенной трансформации творчества.

Вся история российской философии в связи с изменениями организационных основ интеллектуальной деятельности еще ждет систематического анализа (начальные подступы см. [Красиков, 2008]). Здесь же – лишь эскизный образ, основанный на ранее проведенном исследовании механизма циклов социально-политической динамики в истории России [Розов, 2011].

Философия и циклы социально-политической динамики

В схеме переходов между шестью фазами циклической динамики российской истории (см. рис.) прослеживается наиболее “проторенная” колея *кольцевой динамики* (Стагнация → Кризис → Авторитарный откат → Стагнация →), а также иногда случается более редкая и более размашистая *маятниковая динамика* (Авторитарный откат → Успешная мобилизация → Стагнация → Кризис → Либерализация → Государственный распад → Авторитарный откат →).

Отношения между философией (как квинтэссенцией сознания образованного общества) и верховной властью в России во многом определяются именно этими циклами. Архетип российской политики (так называемый русский системы власти [Розов, 2011, гл. 8]) наиболее ярко проявляется в фазе “Авторитарный откат”, поэтому с нее и начнем.

В эти периоды (времена Николая I, Александра III, большевизма и сталинского периода, брежневского неосталинизма конца 1960-х – начала 1970-х гг.) новая верховная власть, поначалу вполне популярная и уверенная в себе ведет жесткую политику не только в административной и экономической сферах, но и “на идеологическом фронте”. Либо философия вовсе запрещается как предмет в университетах (1850 г.), либо гуманитарии изгоняются на специальном “философском пароходе” (1922 г.), либо “философия” превращается в одну из главных идеологических дисциплин, обязательных для изучения во всех вузах (с 1930-х по начало 1990-х гг.).

Здесь принудительным и даже силовым образом сокращаются прежние разнообразные ниши философствования, но открываются новые официальные с большим или меньшим идеологическим контролем. В таких условиях самостоятельная и чужающаяся официоза философская мысль уходит в смежные сферы (например, в исторические, семейные и авантюрно-детективные романы Л. Толстого, И. Тургенева, и Ф. Достоевского), в наиболее далекие от политики и идеологии области логики и фи-

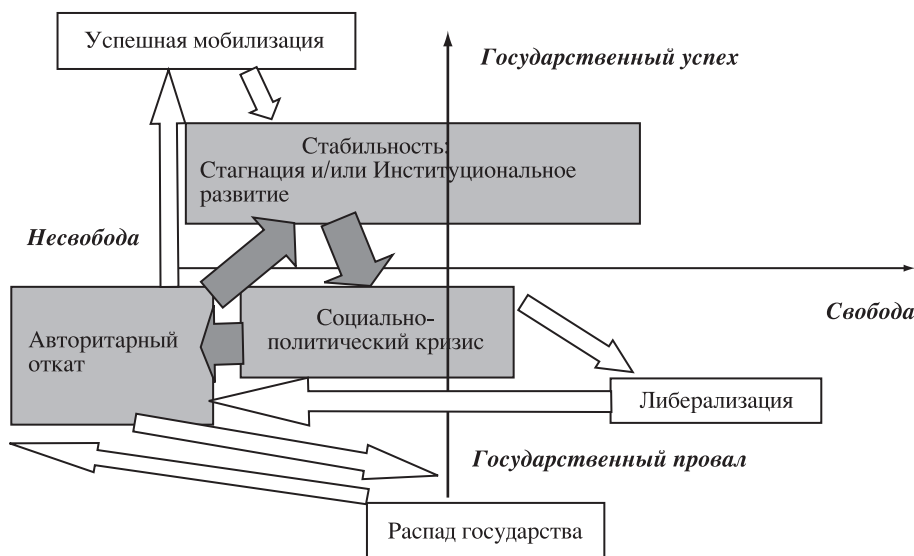

Рис. Основные такты и межтакты в циклической динамике истории России. Контур заштрихованных блоков и стрелок – *кольцевая динамика* наиболее частых переходов. Контур между “Либерализацией”, “Государственным распадом” и “Успешной мобилизацией” – *маятниковая динамика*.

лософии науки, в оригинальное комментирование разрешенной классики (А. Зиновьев и М. Мамардашвили о трудах К. Маркса).

В фазах “Стагнация” (1810–1820-е, 1890–1910-е, 1980-е гг.) продолжается инерция прежних контрольных и репрессивных практик, но уже без прежней жесткости и упорства. Одновременно происходит как социально-экономическая, так и идейная автономизация элиты и связанных с ней интеллектуальных слоев. Престижной становится причастность к полузапретной и всегда референтной в России западной культуре, в том числе знакомство с ранее запрещенными и новейшими философскими учениями. В такие периоды активизируется переводческая деятельность, происходит подъем “провинциальной” (западнической) философии, обостряются ее конфликты с “туземной” (почвеннической) философией, пытающейся реанимировать ослабевшие репрессивные механизмы власти и цензуры и обратить их в свою пользу.

В текущей фазе (2000–2010-е гг.) с наиболее выраженными чертами “Стагнации”, но также с минитаками “Либерализации” (2008–2011 гг.) и “Авторитарного отката” (2012–2013 гг.), философия не подвержена (пока?) ощутимому властному давлению, зато столичные философы активно привлекаются к работе над медиапроектами (“фабриками смыслов”), легитимирующими режим. Острота конфликта между “провинциальным” (прежде всего, аналитическим, феноменологическим и постмодернистским) и “туземным” (державно-православно-патриотическим) направлениями ярко проявляется на Российских философских конгрессах [Розов, 2009].

Краткие, как правило, бесславно заканчивающиеся периоды “Либерализации” (1801–1811, 1861–1867, 1905–1907, 1917, 1922–1927, 1956–1968, 1989–2000 гг.)³, – это время взлета надежд образованной части общества, которое, однако, обычно не знаме-

³Здесь имеются в виду либерализации, во-первых, относительно предшествующего периода, во-вторых, касающиеся политико-правовых и политико-экономических аспектов. Как правило, в эти периоды легче дышалось и философии. Исключение – период НЭПа (1922–1927 гг.); тогда послабление частной и кооперативной собственности, относительная терпимость новой власти к художественному авангарду в театре, живописи, архитектуре, развитию психоанализа и педологии сопровождалась изгнанием нелояльных интеллектуалов из России, насаждением марксизма в философии, что предварило последующий авторитарный откат 1930-х гг. уже во всех областях (формирование тоталитаризма).

новалось особым расцветом философского творчества. В эти периоды активно публикуются ранее написанные “в стол” труды, а также накапывает вал ранее запрещенного идейного импорта. Здесь доминирует “провинциальная” западническая философия, как правило, отвергающая и забывающая прежние проблемы, подходы, ориентированная только на привнесение и ассимиляцию заимствованных модных идей.

Краткие фазы “Кризиса” (1812, 1853–1855, 1905, 1917–1920, 1941–1943, 1991, 1998–1999 гг.) обычно приводят либо к смене власти, либо к существенному изменению политики правителей, удержавших свои позиции. Когда говорят пушки, музы молчат, в том числе и муза философии. Интеллектуалы заняты выживанием, политической, идеологической и моральной ориентацией, некоторые – актуальной публицистикой. В разных условиях “Кризис” приводит либо к “Либерализации”, либо к “Авторитарному откату”, либо и вовсе к “Государственному распаду” (1917–1918 и 1991 гг.). Соответственно, меняются режимы, условия существования, организационные основы жизни и творчества интеллектуалов, в том числе и философов. Что же можно почерпнуть полезного из прослеживания связей между философским процессом и циклической динамикой социально-политической истории России?

Объяснение особенностей российской философии

Прежде всего российские циклы оказываются во многом ответственными за явную расщепленность, воспроизводящийся раскол отечественной философии по нескольким линиям размежевания:

- западническая “провинциальная”/почвенническая “туземная”,
- официальная-лоялистская/неофициальная-протестная,
- академическая-систематическая/внеакадемическая-“жизненная”, “свободная”,
- религиозная/атеистическая или секулярная [Розанов, 1903; Лосев, 1991; Атманских, 2008; Красиков, 2008].

Как видим, разнообразие позиций есть и воспроизводится, а ведь это важный фактор споров и продуктивного творчества. Однако плодотворных интеллектуальных дискуссий с углублением аргументации (ср. [Коллинз, 2002]) со времен западников и славянофилов XIX в. в России практически не ведется. Привычный паттерн для отечественной философии, как и для гуманитарии в целом, – разбредание потенциальных оппонентов по разным журналам, университетским кафедрам, профессиональным сообществам и дальнейшее камлание уже только для своей “понимающей” аудитории (более детально о характеристиках “(Не)мыслящей России” см. [Розов, 2007]).

В чем же дело? Причина видится в отсутствии какой-либо связи между успешной, убедительной аргументацией в споре и репутационными (а также сопутствующими академическими, карьерными, материальными) наградами. Спорить с соотечественниками невыгодно и даже опасно. Типично, а значит, во многом выгодно, – почти повсеместное признание низкой, не стоящей внимания, значимости трудов ныне живущих коллег (кроме своих шефов и ближайших друзей, разумеется). Для “провинциалов” референтные философы живут только на Западе (от Вольтера и Г. Гегеля до Дж. Ролза, Ж. Деррида, Ф. Лиотара и С. Жижека), для “туземцев” референтны лишь умершие российские предшественники (от А. Хомякова, К. Леонтьева и Н. Данилевского до И. Ильина). Но и в каждом лагере философы также расходятся по изолированным “полям”.

Среди “провинциалов” сторонники постмодернизма, аналитизма, феноменологии, хайдеггерианства, левой философии и проч. не видят и не хотят видеть друг друга. Показателен журнал “Логос”, демонстрирующий, пожалуй, наиболее высокий уровень эрудиции авторов и рафинированность текстов. За редкими исключениями статьи здесь имеют сугубо комментаторский характер по отношению к тому или иному фрагменту западной интеллектуальной традиции. Дискуссии между российскими философами, тем более продолжающиеся продуктивные споры, здесь отсутствуют.

Взаимная изолированность сторонников государственничества и имперства, православной идеи, русского национализма, дохристианских славянских культов не столь

велика, но и здесь содержательных споров не возникает. По-прежнему в каждом из этих секторов царят антизападническая риторика и комментаторское прославление своей специфической “классики”.

С чем же связана воспроизводящаяся “партийность” и периферийность российской философии? Известны факторы центральности [Коллинз, 2002], и практически все они в России отсутствуют. *Нет сети конкурирующих паритетных центров* (лучшие силы – в Москве, остальная философия в России за немногими исключениями – вторичная, ученическая, киснушая в самоизоляции). Гиперцентрализация финансовых ресурсов, сосредоточение организационных основ интеллектуальной деятельности в столице – таков известный фактор российской жизни, связанный с авторитаризмом власти, установкой правящих групп на облегченный контроль над финансовыми ресурсами и идеологическими, культурными процессами.

Западнически ориентированные “провинциалы” вторичны: им нечего предложить мировой философии, где по-прежнему доминируют Франция, Великобритания и США. Почвеннически ориентированные “туземцы” зациклены на “величии и предназначении России”, что никому больше в мире не интересно.

“Провинциалы” (обычно живущие в двух наших столицах и немногих крупных академических центрах), не успевают освоить один пласт идей, связать его с традицией, поставить и решить соответствующие проблемы, перескакивают на новую свежеставленную моду, углубляя тем самым колею периферийности. В этом смысле провинциализм москвичей и петербуржцев, гордящихся своей принадлежностью к эзотерике феноменологизма или последних писков постмодернизма, даже более удручает, чем честная “туземная” отсталость православных державников из российской глубинки. Метания от амбиций до самоуничтожения объясняются отчасти тем, что интеллектуальное самосознание следует за геополитикой: амбиции сопутствуют успехам, повышению международного престижа вплоть до сверхдержавности, самоуничтожение более типично в периоды геополитических провалов, стагнации и кризисов.

В философии воспроизводится характерная для России *геокультурная пубертатность*: сознание подростка мечется между “я самый умный в мире” и “я – ничтожество и ни на что не гожусь” (анализ этого феномена см. [Розов, 2011, гл. 9, 12]). Корневая причина данного удручающего феномена – слабость в России организационной и экономической автономии интеллектуальных сообществ с угрозами и рецидивами ее полной ликвидации. Уязвимость нашей философии в отношении к политическим пертурбациям и охватывающим их историческим циклам имеет те же корни.

Организационные основы российской философии чрезмерно зависят от власти и режима. В циклической динамике нашей истории при смене фаз дискредитация прежнего режима и его символов “отменяет” и прежние философские достижения. Отсюда – известная краткость, прерывистость мыслительных традиций, когда все начинается “с нуля”: При этом либо заимствуются новые западные идеи (при “Либерализации”), либо философия подчиняется религии, идеологии (при “Авторитарном откате”), либо начинает доминировать великодержавие-почвенничество (экспансионистское при “Успешной мобилизации” и охранительное при “Стагнации”). Именно вследствие низкой автономии организационных основ, в сфере конкурентной борьбы (за административные и финансовые ресурсы, за руководство на факультетах и в НИИ, за журналы, за тиражи книг и т.д.) для российских философов значимость выигрыша в публичной дискуссии ничтожно мала в сравнении с установлением клиентарно-патронажных отношений с представителями власти.

Нет интенсивности и эмоциональности принципиальных споров, поскольку философы не инвестируют в них силы и время, не ожидая от этой деятельности репутационных и прочих дивидендов. При отсутствии общего поля внимания, автономного интеллектуального сообщества и общепризнанной иерархии авторитетов престиж достигается преимущественно как механическое следствие подъема по академической лестнице (обретение научных степеней и званий). Для такой карьеры активное участие в полемике, предполагающей критику статусных оппонентов, не件лезно, а

опасно. По этим причинам каждая группа философов “возделывает свою делянку”, а отсюда – расщепленность, расколотость отечественной философии по указанным выше линиям размежевания.

Причем же здесь приведенная выше брачная метафора? Она может показаться анекдотичной, а кому-то даже оскорбительной, но в основе уподобления имеется вполне субстанциональный инвариант: *безальтернативная ресурсная зависимость от властвующего “хозяина”*. Пока этот паттерн взаимоотношений между философией и властью будет сохраняться, философия останется зависимой, как женщина в патриархальном доме, также вынужденная добиваться благорасположения хозяина, хоть нередко втайне мечтающая об уходе к другому. Уязвимость философии по отношению к циклической динамике российской истории опять же сродни уязвимости женщин в патриархальном доме в связи с естественными жизненными циклами – как собственным старением, так и утерей силы и власти прежним господином.

Вырваться из колеи циклов: мощный вклад философии

Чтобы найти верный путь, надо ответить на следующие вопросы:

– как относиться к охватывающему российскую мысль контексту социально-политических циклов? Считать их вечными, фатальными и приспособляться? Активно участвовать в попытках выйти из колеи циклов?

– как выстраивать философскую позицию, пока цикличность действует, особенно в фазах “Стагнация” и “Авторитарный откат”? На что направить усилия для подъема философского творчества, оставаясь пока в рамках колеи циклов?

– как достичь ресурсной автономии от власти?

– как сформировать общее поле внимания? Как преодолеть расколы и разобщенность? Как способствовать развитию сетевых центров с интенсивными спорами и творчеством?

– как преодолеть прерывистость, обеспечить накопление традиции с подъемом рефлексии и абстракции?

– как увеличить значимость российской философии в западном и мировом интеллектуальном пространстве?

Выстраивание позиции в контексте текущей российской политики – это всегда непростой выбор для интеллектуала. Между крайними полюсами “встроенности-сервильности” и “радикального диссидентства” имеется широкий спектр промежуточных ступеней, занятие которых зависит как от убеждений, сферы занятий и общения самого человека, так и от характера, рамок доступных социальных ниш. Допустим, что: 1) приведенная выше циклическая модель верна; 2) негативные структурные черты российской философии действительно обусловлены этой цикличностью; 3) у индивида или группы есть амбиции, энергия, ресурсы не только для встраивания в наличные структуры и ниши, позволяющие заниматься философией, но также для участия в общественной и политической жизни страны.

Вообще говоря, принятие трех условий ведет либо к разрушению циклической динамики (“вырваться из колеи циклов” [Розов, 2011, гл. 14–18]), либо к автономизации философии от политики, что упирается в поиск организационных основ помимо прямо предоставляемых государством и властью. Вторую возможность рассмотрим ниже, а здесь зададимся вопросом: как именно могут философы способствовать прекращению или хотя бы трансформации циклов, пагубных для развития не только отечественной философии, но и всего российского общества?

Механизм, порождающий эти циклы, был представлен в нескольких динамических моделях [Розов, 2011, гл. 10–12], в том числе в моделях переключения стратегий основных акторов. Грубо говоря, в наиболее “проторенной” колее циклов от “Кризиса” к “Авторитарному откату” и “Стагнации” (см. рис.) стратегии правителей переключаются от “устранения соперников” к “устрашающему принуждению” и затем “сохранению *status quo*”, а стратегии элиты – от “служения” к “присвоению”.

В образованном классе в тех же фазах меняется доля выбравших одну из трех главных опций: “встраивание в систему”, “уход” (отъезд за рубеж или “внутренняя эмиграция”) или “радикализм” (революционерство, диссидентство, протесты, непримиримая оппозиция). Совокупная динамика сочетания этих переключающихся стратегий делает весьма ощутимый вклад в цикличность российской истории. Эксплуатировать и избегать эксплуатации, контролировать и обманывать контролируемых, распределять и ворчать, что мало досталось, бунтовать и подавлять бунт – вот наши базовые стереотипы поведения. Хроническим дефицитом остается конструктивное общение равных, основанное на взаимном доверии.

Причем же здесь философия? Одна из ее задач – производство идей, смыслов, ориентиров жизни и деятельности, производство общего языка и общих ценностей. Пусть это не прямая постановка целей, чем занимаются политические лидеры и идеологи, но прояснение оснований и предпосылок целей, ориентиров, принципов и норм.

За каждой из упомянутых выше стратегий акторов российской политики лежат их глубоко укорененные ментальные и культурные установки, поведенческие стереотипы, привычные способы удовлетворения индивидуальных и групповых интересов, устойчивые и воспроизводимые институциональные структуры. Политический фетишизм (смена власти) и правовой фетишизм (смена законов) не работают, пока в силе остаются все те же стратегии, ориентиры и установки. Для их существенной трансформации нужно многое, в том числе привлекательный образ будущего, связанный с новыми ориентирами. А это уже сфера конструктивной политико-философской работы – создавать новые опции стратегий для отечественной элиты и образованного класса.

Экономическая публицистика слишком прагматична, политическая публицистика в расколоте обществе слишком ограничена целевой аудиторией, а потому непримирима и агрессивна. Философская публицистика смогла бы сформировать общий язык и даже слой ценностей общенационального согласия, однако ни спроса, ни предложения пока не видно.

При сохранении авторитарного режима и продолжении порочных циклов в России настоящая ресурсная автономия отечественной философии не представляется возможной, поскольку не предполагает существование самостоятельных богатых финансами центров вне властной “вертикали”, таких центров, которые были бы заинтересованы в поддержании и развитии философского творчества. Однако даже в этих условиях попытки движения в сторону автономии необходимы. Сюда, наряду с преподаванием, относится участие в проектах развития города, региона, сотрудничество с экспертными центрами и учеными-предметниками, решение онтологических, методологических, ценностных проблем на стыке наук и общественной практики, обеспечение междисциплинарного синтеза в пограничных, многоаспектных областях общественной практики (образование, экология и техника, биоэтика, градостроительство, законодательное творчество), участие в создании образовательных, интеллектуальных сайтов и порталов.

Преодолеть разобщенность внимания, прерывистость традиции и периферийность

С одной стороны, ключ к решению данной задачи очевиден: *основательная полемика при сохранении идейной преемственности*. Действительно, разорванное поле философского внимания интегрируется, когда представители разных интеллектуальных течений и фракций сталкиваются в споре. Причем спор этот должен быть не сугубо риторическим, а содержательным и основательным – с солидной проработкой аргументации в объеме публичных докладов и оппонирования, журнальных статей и авторских монографий. Императив идейной преемственности здесь означает использование ранее накопленного в отечественной сети потенциала способов и средств мышления в аргументации.

В то же время вопрос оказывается крайне трудным по той причине, что данный “ключ” в настоящей российской ситуации никому не нужен, хотя на словах многие могут согласиться с полезностью такой аргументированной и преемственной полемики. Моралистическими призывами здесь не поможешь. Принципиальное решение – институциональная структура, которая связывала бы участие и успех в такой полемике с репутацией и позицией философа в его интеллектуальном окружении, подкрепленных материальным поощрением и лучшим доступом к формированию своих школ мысли – продолжению линий преемственности. Тут в центр нашего внимания попадают такие известные позиции, как заведующий университетской кафедрой и заведующий сектором в НИИ, поскольку, занимая данные должности, исследователь может вести подбор учеников и сотрудников, выполнять самостоятельную исследовательскую программу.

Сразу обнаруживается, что несмотря на формальную “конкурсность” замещения этих должностей, соответствующие вопросы практически никогда не решаются публично – с открытым обсуждением результатов и достижений претендентов на должность. Кадровые вопросы у нас традиционно решаются келейно, “в своем кругу”, иногда с интригами, скандалами, жалобами начальству, что никак не меняет общей картины.

Полезно присмотреться к опыту американских университетов, где есть выраженный мотив администрации в привлечении “звезд”, причем эти “звезды” как раз получают свой престиж яркими выступлениями на конференциях, статьями в лучших специальных журналах и широко обсуждаемыми книгами. Разумеется, здесь есть множество подводных камней, начиная от административных традиций и кончая объективной трудностью переездов из города в город. Ограничусь указанием на ориентир движения.

Периферийность российской философии вполне родственна периферийности наших социальных наук, тогда как многие отрасли математических и естественных наук все еще выдерживают планку сравнения с мировым уровнем. Наряду с осознанием причин периферийности следует систематически изучить “истории успеха” – случаи прорыва изначально периферийных областей в центр, приобретение одиночками или группами “провинциалов” столичной значимости.

М. Соколов и К. Титаев уже указали на казус прорыва социологии Чикагского университета на мировой уровень. Известны имена российских экономистов, филологов, психологов, получивших долговременную интеллектуальную репутацию мирового уровня. Выборку вполне можно расширить за счет математики и естествознания (Н. Лобачевский, Д. Менделеев, И. Павлов, В. Бехтерев, А. Ухтомский, Л. Ландау, П. Капица, Л. Канторович, А. Мальцев, Г. Перельман), а также за счет стран Центральной и Восточной Европы, Скандинавии (например, Венский кружок, Львовско-Варшавская и финская школы в логике, в философии науки). Следовало бы провести систематическое исследование (эскиз теории см. [Розов, 2002]), но сквозные факторы успеха в прорывах к “интеллектуальной столичности” лежат на поверхности:

- обучаться или стажироваться в “столице”, провести там первые исследования, наладить связи с лучшими специалистами в своей области, потом вернуться на родину, широко развернуть научную работу по заимствованным образцам, сообщать о ней в “столицу”;

- проводить на родине регулярные семинары, где совмещается систематический обзор новейших “столичных” идей и достижений с непременным представлением местных исследований, сделанных в том же ключе, но не вторичных, а направленных на прямую конкуренцию и новацию;

- совмещать упорные попытки прорваться в “столичные” издания с учреждением своих журналов и книжных серий, в которых совмещать переводы новейших работ и обзоры достижений из “столиц” с результатами местных исследований, выполненных по “столичным” стандартам и отвечающим на те же проблемы и темы;

- накапливать собственный арсенал подходов, идей, понятий, теорий, превращая его в конкурентное преимущество при решении передового фронта проблем (который обычно задается в “столицах”);

– освоив главные “столичные” достижения, смело братья за самые трудные задачи, заявлять о новых проблемных областях и “глубоких затруднениях” [Коллинз, 2002], тем самым вовлекая “столичных” коллег в “игру на своем поле”.

Как спор ведет к “столичности”

В российской философии вновь стали выраженными два крыла: “провинциальное” западническое и “туземное” почвенническое. В движении между этими полюсами нет преодоления периферийности: “туземцы”, начавшие изучать западную философию (хоть классическую, хоть современную), становятся более “провинциальными”, таким же образом “провинциалы”, гордо отказавшиеся от поклонения прежним иноземным кумирам и обратившиеся к “родным корням”, превращаются в “туземцев”.

Если согласиться, что интеллектуальный конфликт – это стержень и главный движитель развития мышления [Коллинз, 2002], то нет ничего удивительного в том, что прорыв из периферийности к центральности также осуществляется в полемике. Речь должна идти о двух главных “площадках” дискуссий: непростое включение в споры, ведущиеся в зарубежных философских журналах, и отечественные дискуссии с включением представителей мягких изводов “провинциализма” и “туземства”. Успех в обоих случаях определяется тем, насколько удастся идейный багаж одного поля использовать в другом.

Начну с полемики в зарубежных, прежде всего западноевропейских и американских, журналах. Почему вдруг вмешавшегося российского философа будут “слушать” (начиная с согласия на публикацию статьи)? Знакомство с существом самой полемики, позициями участников, предшествующими стадиями спора в той же западной традиции, – фактор необходимый (иначе – полное непонимание), но не достаточный.

Действительно, для “центра” провинция как таковая не интересна. Внимание может привлечь только необычный ход в аргументации, а для этого нужно использовать особый, еще не освоенный “центром” интеллектуальный ресурс. Для российских философов это как накопленный багаж отечественной мысли, так и идейное содержание актуальных философских споров в России. В самой же внутророссийской полемике настоящий накал и продуктивность споров возможны лишь при участии и “провинциальной”, и “туземной” ветвей. Споры внутри каждого лагеря обычно вырождаются в пререкания начетчиков и комментаторов. Беда в том, что содержательных столкновений между представителями разных лагерей либо вовсе не происходит (из-за разорванности поля внимания), либо такие встречи ограничиваются выражением обвинений, демонстративного пренебрежения. Действительно, для продуктивного спора нужна некая минимальная платформа согласия, хотя бы относительно критериев аргументированности тезисов.

В классических дискуссиях между западниками и славянофилами XIX в. такая платформа была. Потом она сокращалась вплоть до полного исчезновения. Это касается не только философии, но и обширного поля публицистики.

Представим идеальную модель продуктивного спора в отечественной философии. Разумеется, “провинциалы” будут использовать свои “козыри” – новомодные импортированные идеи и термины. “Туземцы” же прибегнут либо к марксизму (в более или менее развитых версиях “диамата” и “истмата”), либо к славянофильской, религиозной, евразийской традициям. Как было сказано выше, в споре могут участвовать только “мягкие изводы” обоих направлений, готовые слушать и находить друг у друга значимые мысли и подходы.

В роли инициаторов спора должны выступать “провинциалы”, знающие об актуальных проблемах, обсуждаемых в западной философии, о противостоящих позициях, о содержательных конфликтах и трудностях. Такие задачи представляются “туземцам” в качестве интеллектуального вызова. При отметании актуальных философских проблем как незначимых дальнейшее общение перспектив не имеет. Если же вызов принимается, то “туземцы” берут на себя непростую задачу найти в своих идейных

закромах, вывести наружу, оживить такие смысловые содержания и подходы, которые позволяют если не решить поставленные задачи, то посмотреть на них с новой, неожиданной точки зрения.

Работа “туземцев” с трудностями современной западной философии надежно выводит их из “туземного” состояния. “Провинциалы”, занятые теперь не только привычным идейным импортом, но также обсуждением всегда значимых для них актуальных западных проблем посредством местного, неизвестного на Западе идейного потенциала, получают, как минимум, шанс быть услышанными западной аудиторией благодаря обретенному оригинальному голосу, а это уже означает возможность продвижения к паритетности, к тому, чтобы стать одним из мировых философских центров.

Другая сторона необходимости полемики и включенности в мировые дискуссии – политика философских журналов и издательств, редакционных коллегий книжных серий. Не так уж трудно включить в перечень критериев учет ранее высказанных взглядов в ведущих мировых журналах, оригинальность и аргументированность заявленной позиции.

Философия, бросающая вызов

Теперь представим в качестве “идеального типа” ту периферийную философию, которая хотя бы пытается реализовать сформулированные требования. В ней есть черты “провинциальной” философии (постоянное напряженное внимание к тому, что делается в “столицах”, попытки быть там услышанными) и “туземной” философии (большие амбиции, смелое прокладывание собственного пути, пестование своих национальных школ, изобретение собственных методов, подходов, понятий, терминологии). Ясно, однако, что это некий иной тип, требующий своего отдельного обозначения.

В геополитике стране, пытающуюся прорваться в круг великих держав, традиционно называют *challenger* – претендентом, державой, бросающей вызов. Стратегически примерно понятно, что делать бросающей вызов “столицам” национальной философии (в том числе, российской).

Первое – это, конечно же, направленность на обеспечение максимально широкого доступа к текущей “столичной” периодике (наличие западных журналов в местных научных библиотеках) и доступа к электронным публикациям; установление собственных внутренних высоких стандартов (не дожидаясь принудительных норм со стороны ВАКа, Академии наук или Минобра) на знакомство с литературой и на оригинальность собственного вклада в решение “горячих” проблем, обсуждаемых в “столицах”; получении поддержки от собственного начальства, например в рамках кампании за места институций в мировых рейтингах. Второе – формирование исследовательских групп, прежде всего, с вовлечением талантливой молодежи со знанием языков и амбициями, регулярные семинары, по возможности, стажировки в “столицах”, планирование и проведение исследований в связи с горячими проблемами, но на основе каких-то собственных конкурентных преимуществ; упорные попытки публиковать результаты в западных журналах. Третье – активный поиск авторитетных коллег в “столицах”, которые могли бы заинтересоваться проводимыми здесь исследованиями, обязательно личное знакомство с ними (теоретические основания см. в книге [Коллинз, 2002]), создание коалиций и выстраивание дальнейших стратегий преодоления философской периферийности.

В отношениях “философия и власть” домостроевская метафора (жена, зависящая от мужа-хозяина) должна быть понята как устаревшая схема, тесно спаянная с порочными циклами российской истории, – и схему, и принудительность власти, и циклы следует изживать. Вынужденная центрированность на отношениях с властью должна быть заменена на обретение своего голоса в кругу других национальных философий. Российская мысль обретет свое лицо, интересное и привлекательное для других, когда зависимость от власти сменится на другую модель – клуб пусть не равных, но свободных и уважающих друг друга участников обсуждений и споров, продолжающихся в веках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.И., Коваленко А.В.* Историко-философская преемственность в русской философской мысли XVIII в. // Философская и социологическая мысль. № 6. Киев, 1989.
- Атманских А.С.* Философия в России: диалог двух традиций // Философия и общество. Вып. 1(49). 2008.
- Власенко К.И.* Концепции истории русской философии: конец XIX – начало XX в. // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1988. № 5.
- Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- Красиков В.И.* Русская философия today. М., 2008.
- Лосев А.Ф.* Основные особенности русской философии // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
- Розанов В.В.* Природа и история. СПб., 1903.
- Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI в. М., 2011 (<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/kol-per.htm>).
- Розов Н.С.* (Не)мыслящая Россия. Антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3 (<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/nonthinking.htm>).
- Розов Н.С.* Причины долговременной значимости философских проблем: что делает философскую проблему великой? Макродинамика. Новосибирск, 2002 (<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/philos-prob.htm>).
- Розов Н.С.* Семь смешных философских грехов // Вестник Российского философского общества. 2009. № 3 (<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/7sins.htm>).
- Соколов М., Титаев К.* Провинциальная и туземная наука ([http:// eu.spb.ru/images/pnis/SOKOLOV_TITAEV_FINAL.pdf](http://eu.spb.ru/images/pnis/SOKOLOV_TITAEV_FINAL.pdf)).

© Н. Розов, 2014